

ду нами жил» (1834). В двух последних стихах первой строфы «К ним» Вяземский прибегает к политическому иносказанию, намекает на события, связанные с декабрьским восстанием и последовавшей за ним расправой с декабристами.

Поправка Пушкина может быть осмыслена еще и таким образом: из других помет в автографе очевидно, что Пушкин был строг к стилю Вяземского, всегда сложному, тяжеловесному и не всегда безупречному. Возможно, Пушкин заметил, что «гроза» «прожгла» и явными, всем заметными «язвами», и «незримою стрелою».

Подобные же замечания есть и далее, во второй строфе, но две последние исправлениями не тронуты, а приписка к ним лаконична: «Прекрасно». Вероятно, эти последние стихи и заслужили самую высокую оценку Пушкина: «они стоят „Уныния“». Здесь та же тема, что и в „Унынии“ — поэт и толпа поэтов, ремесленников, журнальных писак, сплетников и карьеристов, полных „завистливой злости“ к истинному таланту, к его „дару для избранных“. Тема счастья продолжается и здесь. Слава, карьера, любовь — словом все, что „в ходу на торжищах земли“, не привлекает Поэта. „За трапезой мирской непразднуемый гость“ он обойден пирующей чашей» (сравним: «чаша радости была сосуд отравы»).

Жребий поэта-борца — «тайный плод», «бремя милое», которое необходимо таить, скрывать, но и беречь: «Как мать преступная с любовью и боязнью Во чреве носит тайный плод».

Продолжая тему счастья в стихотворении «К ним», Вяземский говорит о различном понимании счастья автором стихотворения и его врагами; имея в виду счастье, к которому стремятся его противники, поэт называет их «счастливицы»:

Счастливицы! вы и я, мы служим двум фортунам.

Обращаясь к излюбленному своему приему, контрастам, Вяземский вместо «покоя и воли», скрытых в образе Уныния, «волненью и перунам», противопоставляет «мир чистой совести и хладный мир чела».

Через 38 лет после «Уныния» Вяземский написал краткую стихотворную исповедь, которой дал то же название, что и элегии 1819 г. И это второе «Уныние», как в кривом зеркале, искаженно отразило все лучшее, что берег в себе молодой Вяземский времени Пушкина.

Во втором «Унынии», как и в элегии, поэт отказывается от борьбы. Но в элегии пути к яркой славе и блистательному подвигу предпочтен другой путь борьбы — «подвиг бытия». Поэт готов участвовать в бою за истину, за справедливость, но в бою честном, с бойцами достойными, за цель «высшую самих венков лавровых».

Второе «Уныние» — грустный монолог поэта — может сравниться с элегией лишь глубиной искренности, обычно присущей поэзии Вяземского. Уже первый стих знаменует полный отказ от какой бы то ни было борьбы и признание собственного бессилия перед «жизнью трудной»:

Я не рожден бороться с жизнью трудной
Победный лавр цветет не для меня
И не в моей груди тлещушно-скудной
Кипеть струе священного огня.

Страшно представить себе, что из-под пера поэта, когда-то проникшего «свободной отвагой», «святой ненавистью к бесчестному», «чистой любовью к изящному и благу», могло вырваться признание:

Житейских битв волненье и тревога
Меня смущают: духом я пуглив;
И вчуже мне с домашнего порога
Далеких гроз ужасен дикий взрыв.
С отвагою не рвусь к судьбе навстречу.
Когда ж ее врага, с оружием наголо,